

С наступлением сумерек Ши-ши споро прибрал домашние дела и заглянул на кухню.

Осторожно зачерпнув наваристого куриного бульона из томившегося на углях котелка, он с дымящейся пиалой в руках направился в комнату к Сяо Ци.

Стоило ему приоткрыть дверь, как он увидел непутевого сына. Уткнувшись носом в подушку, парень валялся на кровати и увлеченно хихикал, светясь от глупой радости.

— Сяо Ци, непутевый ты ребенок, чего развалился на кровати и радуешься сам не свой?

«Эх... Уже ведь просватанный гэер, а всё такой же несерьезный, ветер в голове. Как наступит начало зимы, ведь придется идти в дом Цзюней. Справится ли? Сможет ли стать хорошим мужем, заботливым родителем и почтительным супругом?»

От этих мыслей Ши-ши стало тяжело на сердце, и он беззвучно вздохнул. Впрочем, пустое это. Впереди еще целых полгода до свадьбы, и за это время нужно во что бы то ни стало хорошенько вышколить сорванца.

Ши-ши легонько ткнул сына пальцем в лоб, заставив Ли Сяосяо мигом спрятать глупую ухмылку.

— Да так... ни о чем я не смеялся, — пробормотал он и тут же ласково заглянул матушке в глаза. — А-мо, ты пришла со мной посекретничать?

«Странно, ужин он съел до последней крошки, да и горькое лекарство выпил без капризов еще на закате. Неужто матушка заглянула только ради того, чтобы прочесть очередную нотацию?»

Чтобы усыпить бдительность родителя и уклониться от возможных нравоучений, Ли Сяосяо спешно приподнялся, обвил руками его шею и ласково заворковал, как капризный ребенок.

Стоило младшему сыну прижаться к плечу и пустить в ход свое детское обаяние, как все тревоги Ши-ши растаяли без следа. Осторожно придерживая пиалу, чтобы не пролить ни капли, он в шутку шлепнул сына по руке и напустил на себя строгий вид:

— И не стыдно? Взрослый уже, а всё как дитя малое — вечно лезешь напролом! Не видишь разве, у меня руки заняты?

— Ну-ка, пей живей. Твоя старшая невестка Цяо-ши полдня у плиты простоял, специально для тебя этот бульон томил.

С этими словами Ши-ши решительно поднес пиалу к самым его губам, собираясь лично проследить, чтобы целебное варево было выпито до капли.

Сяо Ци с самого детства рос на редкость привередливым. Стоило ему заметить на поверхности супа хоть одну лишнюю каплю жира, как он тут же воротил нос и наотрез отказывался есть. И ладно бы отец строго приструнил его, но в семействе Ли младшего любили без памяти и потакали любым причудам. В обычных крестьянских семьях о подобном баловстве и слыхом не слыхивали.

Ли Сяосяо послушно припал к пиале и в несколько жадных глотков осушил её. Шумно выдохнув, он сыто прикрыл глаза и довольно заулыбался:

— Спасибо, матушка! И старшей невестке передай спасибо! Хи-хи, значит, старший брат днем не шутил, когда обещал курицу нарезать...

Вытерев губы рукавом, парень зажмурился от удовольствия. Бульон оказался идеальным — прозрачным, ароматным и, главное, тщательно процеженным от жирной пленки. Это была его давняя причуда, оставшаяся, верно, еще из прошлой жизни. Прежний Ли-дурачок устраивал настоящие истерики, если в тарелке плавали золотистые кругляшки жира. Он топал ногами и плакал навзрыд, отказываясь даже притрагиваться к еде. В конце концов родные махнули рукой и просто смирились с капризами любимца.

Впрочем, для нищей древней деревни такая привередливость выглядела верхом глупости. Жители деревни Большого Ковша перебивались с хлеба на воду, и если какой-нибудь семье удавалось нарезать за год три-четыре курицы да досыта наесться мяса, они уже считались зажиточными хозяевами. А тут — наваристый бульон, вобравший в себя всю пользу птицы! Густой, подернутый янтарной пленочкой жира — один лишь его вид заставлял крестьян исходить слюной от зависти.

И надо же было такому случиться, что этот дуралей наотрез отказывался от самого лакомого, требуя лишь чистую водицу. Семейство Ли поначалу только диву давалось. Ладно бы он воротил нос от самого мяса после долгой варки — сухие волокна и впрямь теряли всякий вкус, отдавая все соки воде. Но ароматный, лоснящийся жир! Откуда в здоровом человеке могла взяться такая неприязнь к сытной пище?

Но время шло, и когда родные окончательно убедились, что Сяосяо терпеть не может ни куриную шкурку, ни жирный навар, они просто смирились. В конце концов, у их младшего с пеленок хватало странностей. Одним чудачеством больше, одним меньше — какая разница?

На следующее утро Ли Сяосяо проснулся в таком прекрасном расположении духа, что едва не пустился в пляс. Еще бы! Сегодня ему наконец-то позволили выйти к обеду в общую залу. А главное — больше не нужно было безвылазно сидеть в четырех стенах, изнывая от тоски.

Накануне вечером, пустив в ход всё свое лисье обаяние и мастерство подлизы, Сяосяо всё-таки сумел растопить сердце матушки Ши-ши. Тот сдался и сменил гнев на милость, отменив домашний арест. Правда, воля его оказалась куцей: гулять дозволялось исключительно по

комнатам да на заднем дворе. Путь к главным воротам всё еще оставался под строжайшим запретом.

Но даже эта малость привела парня в восторг. Поднявшись ни свет ни заря, он наскоро умылся и принялся с упоением носиться по дому и заднему двору, напоминая жизнерадостного глупого щенка, который увлеченно изучает новую территорию.

Заново освоившись в родных пенатах, Сяосяо пристроился хвостиком к матушке Ши-ши. Стоило тому взяться за какую-нибудь работу, как не в меру усердный помощник тут же бросался на подмогу, угодливо заглядывая в глаза.

«Эх, матушка всё еще дуется, — уныло размышлял он. — Иначе почему заперла меня на заднем дворе? Кому расскажешь — перенесся в другое тело, очутился в настоящем древнем Китае, а мира белого увидеть не могу! Хоть бы одним глазком взглянуть на местный быт, на людей... Мне и далеких краев не надо, просто прогуляться бы по нашей деревне Большого Ковша, подняться на холмы!»

Пока Сяосяо оставался местным дурачком, никто его свободы не ограничивал. Парень целыми днями пропадал то у одного брата, то у другого, выпрашивая вкусности, а то и вовсе собирал вокруг себя ватагу племянников да внучатых племянников. Этой шумной гурьбой они уходили на ближние склоны Лицзишань: собирали грибы и дикие коренья, искали лечебные травы, ловили в ручьях мелкую рыбешку и раков. Жизнь текла весело, привольно и сытно.

А теперь, едва обретя ясный ум, он оказался заперт в четырех стенах. На душе у Ли Сяосяо скребли кошки — любопытство разрывало его изнутри, не давая покоя ни на минуту.

Крошечный пятачок заднего двора он исходил вдоль и поперек еще до полудня. Не найдя там ничего интересного, парень принялся с усердием перерывать старый хлам, чем нешуточно перепугал домашних. Те уж было решили, что младшенький снова повредился умом, и едва не побежали звать Шестого брата, Ли Цаосэня.

Чтобы лишний раз не тревожить занятого брата-лекаря, Сяосяо благоразумно оставил свои изыскания и переключился на матушку. И время быстрее пройдет, и задобрить её получится.

— Матушка, давай я овощи переберу!..

— Матушка, давай рис промою!..

— А-мо, бульон на плите сейчас разогреть или попозже?

— Матушка, обед готов, я побегу позову отца и старшего брата!..

— Матушка...

Ши-ши, окончательно ошалев от такой гиперактивности и постоянной путаницы под ногами, в конце концов не выдержал. Выставив надоедливую помощника за порог кухни, он в сердцах бросил:

— Да угомонись ты уже! Ладно, завтра отец возьмет тебя с собой на улицу.

Услышав заветное обещание, Ли Сяосяо едва не подпрыгнул до потолка. Тихонько напевая под нос веселый мотивчик, он вприпрыжку помчался в залу — ждать обеда.

О том, почему матушка упомянула, что выйти со двора он сможет только под присмотром отца, опьяненный радостью Сяосяо даже не задумался. Да и какая разница, в самом-то деле?

<http://bllate.org/book/20616/2131057>